

— Нет, на еду-то едва хватает, где уж на врачей, — ответил Мяо Чанцин. — Да и найди мы лекаря — не факт, что поможет.

Лю Сюаньань вынул иглы:

— Теперь не болит?

Мяо Чанцин осторожно пошевелил ногой и ахнул:

— И правда почти не болит!

В комнате ещё толпились генералы, услышав его возглас, все разом устремились к ложу. Лю Сюаньань пояснил:

— Иглы болезнь не вылечат, лишь на время боль снимут. Вам нужен покой, а я выпишу рецепт. Принимайте десять дней.

Но Мяо Чанцин уже не слушал. Он спрыгнул с кровати, прошёлся по комнате и, подняв большой палец, воскликнул:

— Чудо-врач! Братец, да ты волшебник!

— Куда там нашему Чжану! — подхватили остальные.

— Братец, как звать-то? А запястье ноет — сможешь полечить?

— Я вот скоро рожу, ну, то есть жена моя... Может, и её посмотришь?

Лю Сюаньаня и А-Нина обступили со всех сторон, в ушах стоял гул. — Смогу, смогу, только по очереди, — успокаивал он.

На следующий день полуразрушенный храм превратили во временную лечебницу. У ворот выстроилась очередь — горожане ждали приёма.

А в городе тем временем усиливались патрули: армия Янь уже перешла хребет Мяншань.

В тот день Лян Шу получил донесение. Гао Линь, заглянув через плечо, одобрительно щёлкнул языком:

— Ловко! Не зря наш князь им запал. По-моему, свадьбу бы в следующем месяце сыграть — чтоб уж если война грянет, не мотаться каждый раз в поместье Белого Журавля.

— Узок твой кругозор, — Лян Шу чиркнул огнивом, поджигая бумагу. — Одно у тебя на уме — война. О мирной жизни помечтать не судьба?

— Да как же, мечтаю! — возразил Гао Линь. — Кто ж против тихой жизни? Кончится война — куплю домик напротив княжеской резиденции, побездельничаю месяцка три, да по Королевскому городу Столицы Грёз пошатаюсь.

— Не позволю, — Лян Шу вскочил в седло. — Твоя рожа мне о северо-западе напомнит, о тех днях, когда живёшь, не зная, увидишь ли завтра. Настроение портишь.

Гао Линь, хохоча, погнал коня следом:

— Ладно, поселюсь подальше. Только серебра побольше выдай — с деньгами я так далеко заберусь, что и не помешаю князю на второго сына Лю любоваться.

Его «любоваться» было поэтичным, словно на сцене: влюблённые глаза в глаза, всё целомудренно. Но картина, возникшая в голове Лян Шу, оказалась куда живее. В резиденции князя Сяо был обширный запущенный двор — как раз место для павильона вроде того, что в поместье Белого Журавля. Летом — лёд, зимой — жаровня, кругом цветы, а посреди — широкий мягкий диван. Чтобы, когда бы он ни вернулся домой, из-под одеяла непременно торчал сонный, тёплый и мягкий ленивый бессмертный, тому самому четыре десятка восемь тысяч лет.

— Кхм! — Гао Линь кашлянул рядом. — Кхм-кхм!

Лян Шу:

— ...

— Князь, князь, — с назиданием протянул Гао Линь. — Поберегите выражение лица. Битва на носу, помечтали — и хватит. А то я так, мурашками покроюсь, а иные, глядишь, решат, что главнокомандующий порчу навёл. Не к добру это для боевого духа.

Лян Шу буркнул:

— Катись.

Гао Линь послушно покатился — вперёд, выстраивать войска.

Птицы весной хвосты распускают, чтобы пару привлечь. Уж коли их князь задумал сердце покорить, так и победу надо одержать, да покрупнее, чтобы всё своё мастерство показать.

— Стройся! — скомандовал он громовым голосом.

— Непобедимы! — рывкнули с холма в ответ.

Казалось, вся армия старалась на благо будущей семейной жизни князя Сяо.

А в городе Лю Сюаньань тем временем стал местной знаменитостью. Лечил искусно, говорил тихо и ладно, даже с самыми грубыми пациентами не терял терпения. Окружающие, бывало, и сами за него порядок наводили. Пообвыкшись, люди стали разговорчивее. Чаще всего толковали о грядущей войне — поговаривали, будто армия Янь уже у самых стен.

Маленькая девочка вдруг разревелась. Женщина прижала её к груди, утешая, и виновато объяснила:

— Мальчишки её пугают, сказывают, якобы яньцы режут. Вот и плачет.

— Да не пугалки это, — вступил кто-то. — Про город Цинъян слыхали?

При слове «Цинъян» все замолчали. Слышны были лишь всхлипы девочки да чей-то тяжёлый вздох:

— До чего же время лихое настало.

— А я слышал, в иных местах, подальше от реки Байхэ, — сказал А-Нин, не отрываясь от

растирания трав, — народ живёт хорошо. Кабы не собрались мы в Цинъян к родне, нас бы давно в город Ваньхэ переселили. Там, говорят, тоже неплохо.

— Другим хорошо, а нам, что живём у Байхэ, на роду написано страдать?

— Никто на страдания обречён не был, — возразил Лю Сюаньань. — Как раз чтобы не страдать, мы все сюда и пришли — лучшей доли искать. Слышал, новый император — человек способный. Вот только справится ли с разливами к будущему году?

— К будущему? — громко фыркнул кто-то из грамотных. — Да это ж Байхэ! Длинной в десятки тысяч чжаней, а то и больше. Шириной, слышно, в иных местах — с море, конца-краю не видать.

— Вот как длинна-то, — Лю Сюаньань отложил кисть. — И сколько же её обуздывать?

Народ притих. Многие от роду дальше окрестных деревень не отходили. Десятки тысяч чжаней бурлящей воды — уму непостижимо. Лю Сюаньань продолжил:

— Пяти лет, поди, хватит?

Пяти лет, конечно, не хватило. Завязался спор — десять, пятьдесят, сто. В итоге сошлись на том, что потребуется век, да десятки тысяч рабочих, день и ночь трудящихся, чтобы русло изменить.

Ответ повис тяжёлым грузом. Никто из присутствующих и века не проживёт. А покуда Байхэ не укрошена, береговым жителям покоя не будет. Императоры сменяются, но они не речные боги — Байхэ останется собой.

В этот момент мимо прошёл патруль. Лю Сюаньань окликнул их:

— Генерал Ли, а не слышать, когда император Байхэ обуздывать начнёт?

Генерал Ли опешил:

— Кто сказал, что он собирается?

— Не сейчас, конечно, — вставил А-Нин. — Брат про будущее спрашивает. Когда император до Королевского города дойдёт.

— Да и дойдёт — какое дело Байхэ? — отмахнулся генерал. — Река такая длинная — и боги не справятся. Дойдём до Королевского города — все сподвижники героями станут. Живи да радуйся, о какой Байхэ думать!

Он так сказал — и, видимо, так думал. Но едва он удалился, Лю Сюаньань произнёс:

— От Саньшуй до Королевского города — десятка полтора городов. Чем дальше, тем больше народу к армии прибьётся. Разве Королевский город всех вместит? Там и без того миллионы живут. Куда же их девать?

В храме воцарилась тишина. Многие пришли сюда от безысходности — дома кормиться было нечем. Воевать они не хотели, да и среди них хватало стариков да хворых — не по силам им ратный труд. В Саньшуйе пока кормят, но новый император здесь не задержится — двинется на север. А с войском уйдёт и провиант.

И оставалось тогда два пути: либо примкнуть к отряду Хуан Вансяна и идти на войну, либо скитаться дальше, в следующий город.

А-Нин сказал:

— Мы в военные лекари пойдём, брат. Нас пятеро — все императору послужим.

Лю Сюаньань кивнул:

— Ладно.

<http://bllate.org/book/16268/1464410>